

Когда в поместье герцога Хань доставили императорский указ, согласно которому Хан Сиэнь должен был на следующий день помочь Управлению дворцовых слуг в допросе клана Ли, никто в семье, кроме Хан Минчжу, не испытал искренней радости.

Услышав новость, старая госпожа Хань не подала виду, но заметно помрачнела. Хан Чжо, напротив, держался с безупречным спокойствием. Глядя на него, сложно было поверить, что совсем недавно этот человек перед всем двором жаждал смерти собственного сына. Он даже щедро одарил серебром доставившего указ евнуха, и тот рассыпался в похвалах, превознося достоинства молодого наследника и суля клану Хань великую славу.

Если Хан Чжо принимал похвалы с неизменным благородным величием, то у главы второй ветви, Хан Шу, великодушия не доставало — лицо его буквально чернело от злости. Сверстники же Хан Сиэня испытывали к нему теперь крайне сложные, смешанные чувства.

Когда дворцовые евнухи откланялись, Южо, служанка Хан Минчжу, радостно обратилась к хозяйке, увлеченной чтением:

— Барышня, раз старший молодой господин в таком фаворе у императора, вам в поместье станет куда легче дышаться. Те две девки, которых госпожа прислала пару дней назад якобы из заботы о вас — те еще пройдохи, только воздух отравляют. Но вы не беспокойтесь, Даньцин с них глаз не спускает.

Хан Сиэнь был третьим по старшинству среди сыновей дома Хань, а Хан Минчжу — четвертой дочерью, однако слуги, которых она привезла с собой, признавали хозяевами только этих двоих. Разумеется, наедине они называли их иначе, чем было заведено в поместье.

Хан Минчжу даже головы не подняла от книги, лишь мягко пожурела служанку:

— Она супруга моего отца. Ее подарок — лишь жест доброй воли, как ты смеешь распускать язык?

Южо в ответ лишь шутливо высунула кончик языка, но тут же посерьезнела:

— Барышня, тут молодой господин Хэ снова пытался передать вам подарок через дворовых. Я его прогнала, но, может, стоит рассказать обо всем старшему молодому господину?

За последние дни они сполна прочувствовали тяжелый нрав Хан Сиэня — слуги в поместье даже имя его шепотом произносили, страшась гнева наследника. И пусть с момента возвращения Хан Минчжу брат ни разу ее не навестил, они оставались родной кровью. Стоило ему вмешаться, и назойливого кузена мигом приструнили бы.

Услышав это, Хан Минчжу отложила книгу. Намерения Хэ Фаня были видны ей как на ладони. Мало того, что между ее братом и младшей тетушкой произошла крупная размолвка, из-за чего Минчжу и близко не подпустила бы к себе кузена, так еще и сам Хэ Фань вызывал у нее тошноту одним своим липким, похотливым взглядом, который даже не пытался скрывать.

Вспомнив, однако, о холодности Хан Сизня, Минчжу тихо вздохнула про себя. Она строго посмотрела на служанку:

— Вы прибыли со мной, так что держите ухо востро. Никого постороннего во двор не пускать, за моими личными вещами следить в оба глаза. А брата такими пустяками тревожить не стоит.

Южо покорно кивнула, хотя на душе у нее было беспокойно. Приближался день совершеннолетия барышни, однако в поместье не наблюдалось и намека на подготовку к празднеству. Служанка знала, что Хан Минчжу сама из-за этого переживает, и страшилась задеть болезненную тему лишними расспросами. В конце концов, до заветной даты еще оставалось время, и она решила подождать.

Поместье герцога Хань

На следующий день, когда Хан Сизнь направился в Верховный суд, в поместье герцога Хань пожаловала неожиданная гостья — супруга уездного князя Юна.

Весть о ее визите немало удивила старую госпожу Хань. Первая ее мысль была о том, что высокая гостья, должно быть, решила присмотреть невесту для своего сына и явилась на смотрины.

О семейных неурядицах уездного князя Юна знала вся столица. Его супруга в молодости водила тесную дружбу с императрицей и сама слыла женщиной хваткой, расчетливой. Каким бы беспутным ни был сам князь, положение наследника в его резиденции непоколебимо принадлежало Цзи Юэ. С другой стороны, Поместье герцога Хань занимало слишком высокое положение при дворе, чтобы заискивать перед их семейством.

Как бы там ни было, старая госпожа велела принять гостью со всем почтением и, согласно этикету, призвала всех незамужних барышень засвидетельствовать свое уважение.

Супруга уездного князя Юна сегодня была одета исключительно богато, а украшения в ее волосах и вовсе представляли собой редчайшие произведения искусства. Окинув взглядом выстроившихся перед ней барышень Хань, она не поскупилась на щедрые похвалы для каждой, отчего те густо покраснели от смущения.

Затем супруга князя Юна посмотрела на Хан Минчжу и с улыбкой спросила:

— Это ведь четвертая барышня вашего дома?

Заметив, что именно Хан Минчжу удостоилась особого внимания гостыи, Хан Цинсюэ и остальные сестры помрачнели от зависти. Настроение старой госпожи тоже мгновенно испортилось. Чуть суховато она обронила:

— Да, это она.

Позывать девицу ближе старая госпожа не торопилась.

Супруга уездного князя Юна мысленно усмехнулась мелочности старухи, но вслух сказала ласково, глядя на Хан Минчжу:

— Душа у меня лежит к этой девочке. К слову, она ведь уже на выданье, скоро совершеннолетие?

— Верно, — в голове у старой госпожи что-то щелкнуло, и она с улыбкой запричитала: — Совсем взрослая стала, скоро не удержим в родных стенах. Как раз на днях ее младшая тетушка...

— Стало быть, вам жаль расставаться с ней, — мягко прервала ее супруга уездного князя Юна, улыбаясь. — А выбрали ли вы уже почетную гостью для ее церемонии совершеннолетия? Как вы посмотрите на мою кандидатуру?

Старая госпожа и остальные застыли в изумлении, не веря собственным ушам. Прежде чем они успели опомниться, супруга уездного князя Юна заговорила вновь, и голос ее прозвучал весомее:

— Во время прошлого визита во дворец эта девочка приглянулась самой императрице. Вчера, когда я беседовала с Ее Величеством, она вдруг вспомнила о Минчжу и обмолвилась, что судьбу этого дитя, вероятно, устроит сам государь. Счастливая у нее звезда.

Обычно столь благонравная и сдержанная Хан Минчжу не удержалась и в изумлении вскинула глаза на гостью. Что уж говорить об остальных барышнях! Лицо старой госпожи Хань пошло пятнами, плечи мелко задрожали. Заметив ее замешательство, супруга уездного князя Юна тут же добавила с улыбкой:

— Старая госпожа, верно, просто лишилась дара речи от счастья. Будь у меня столь благословенная внучка, я бы сама на седьмом небе от радости была.

Вторая супруга герцога, госпожа Лю, исходила немой злобой от зависти. Жена младшего брата из второй ветви, госпожа Чжан, со страхом думала, как бы Минчжу окончательно не затмила ее собственную дочь, Хан Цинсюэ. Обе женщины растерянно молчали. Лишь госпожа Вэнь из

третьей ветви вовремя спохватилась. Заметив, что свекровь окончательно потеряла лицо, она мягко сжала ладонь старухи и с теплой улыбкой обратилась к госте:

— Мы как раз вовсю готовимся к празднику совершеннолетия четвертой барышни. Очень хотели направить вам приглашение, да робели побеспокоить столь высокую особу. Ваше согласие стать почетной гостьей — величайшая радость для нашего дома! Да и то, что Минчжу заслужила милость Ее Величества, приносит честь всему нашему клану.

Супруга уездного князя Юна осталась довольна ответом. Поднявшись со своего места, она благосклонно кивнула:

— Для меня тоже будет честью стать почетной гостьей столь очаровательной барышни.

Она подошла к Хан Минчжу, сняла со своего запястья браслет из чистейшего, пронзительно-зеленого жадеита и бережно надела его на белую руку девушки.

— Вот видишь, — с теплой улыбкой добавила супруга уездного князя Юна. — Я всегда чувствовала, что этот браслет мне как-то не идет, а на твоём запястье он смотрится идеально.

Понимая всю ценность подношения, Хан Минчжу поспешно склонилась в изящном благодарственном поклоне. Супруга уездного князя Юна одобрительно похлопала ее по руке, осыпала на прощание еще несколькими любезностями и лишь после этого откланялась.

Стоило тяжелым дверям закрыться за гостьей, как все присутствующие вперили взгляды в Хан Минчжу — на лицах родственников отразилась неприкрытая, удушающая зависть. Старая госпожа Хань сейчас и видеть не могла внучку, а потому немедленно отослала всех прочь.

Едва посторонние покинули покои, как Хан Сю рухнула на колени перед матерью и разразилась слезами:

— Матушка, вы должны вступить за моего Хэ Фаня! Всем ведь известно, как он предан этой девке, а она, едва уцепившись за высокую ветвь, решила выбросить моего сына за ненадобностью?!

Договорить она не успела — старая госпожа со всего маху швырнула пиалу с чаем на пол. Фарфор разлетелся на мелкие осколки.

— Замолчи! — в ярости прикрикнула старуха. — Эту девку будет выдавать замуж лично император! С каких это пор она имеет хоть какое-то отношение к твоему Хэ Фаню? Была ли помолвочная грамота? Обменивались ли вы картами судеб? Если хочешь сгубить себя и своего сына — продолжай молоть этот вздор!

Хан Сю вздрогнула от этой вспышки гнева и сжалась на полу, боясь издать хоть звук. Глядя на

ее жалкий вид, старая госпожа лишь распалялась еще сильнее. Она одарила дочь свирепым взглядом:

— У нее еще хватает наглости лить слезы! Когда Хэ Фань твердил, что хочет взять Минчжу в жены, и умолял тебя заслать сватов, ты заносчиво воротила нос. Войди девка в твой дом невесткой, разве не крутила бы ты ею как вздумается? Но и эта госпожа Лю из старшей ветви оказалась на редкость безмозглой. Минчжу едва вернулась в столицу, а мачеха уже поспешила выставить себя добродетельной матерью, подыскивая девке завидного жениха. Думала, все так просто? Теперь локти кусайте — поздно! Неужели ты не расслышала намека в словах супруги уездного князя Юна? Судьбой этой девчонки род Хань больше распоряжаться не властен.

Слезы продолжали катиться по щекам Хан Сю.

— Стоит мне вспомнить, как обошелся Хан Сиэнь с моей Юйчжу, у меня сердце кровью обливается от злости! А этот непутевый Хэ Фань будто ослеп — только о Минчжу и бредит. Как прикажете мне со спокойной душой смотреть на все это? Но все-таки странно... с чего бы императрице проявлять такую заботу об этой девчонке?

Старая госпожа Хань зловеще процедила:

— Из-за ее брата, разумеется.

Хан Сю украдкой взглянула на мать. В ее глазах блеснул расчетливый огонек. Она подползла ближе, крепко ухватилась за подол старухи и зашептала:

— Матушка, Хэ Фань — вся моя жизнь. Он умом повредился из-за этой девчонки. Если с ним что-нибудь случится от тоски, я живой не останусь, следом в могилу сойду!

Заметив, что лицо матери дрогнуло, Хан Сю, стиснув зубы, продолжила натиск:

— А если девчонка сама без памяти влюбится в Хэ Фаня? Тогда даже император не сможет пойти против ее воли. В конце концов, мы живем под одной крышей. Пусть кузены видятся почаще, а слугам мы рты прикроем — комар носа не подточит, и на репутации других девиц в доме это никак не скажется.

Старая госпожа промолчала, не говоря ни «да», ни «нет». Однако Хан Сю слишком хорошо знала свою мать и по этому молчанию поняла, что получила негласное согласие. На ее губах промелькнула торжествующая улыбка, которую она тут же скрыла, опустив глаза.

Верховный суд (Далисы)

О заговорах, что плелись в родном гнезде, Хан Сиэнь даже не догадывался. Сейчас он находился в судейском зале Далисы. За главным столом восседал евнух Управления дворцовых слуг Юань Цин, по правую руку от него расположился глава Верховного суда Чжан Ханпин, а по левую — сам наследник Хань.

Сегодняшнее следствие было поручено вести Юань Циню.

Ли Чжуна уже успели подвергнуть жестоким пыткам — его изодранное платье насквозь пропиталось кровью. Прежде он едва держался на ногах, безвольной кучей оседая на пол, но стоило ему завидеть Хан Сиэня, как в нем откуда только взялись силы. Ли Чжун вскинул налитые кровью глаза и с диким ревом рванулся вперед, словно безумный пес, готовый загрызть юношу насмерть.

Стражники навалились гурьбой и силой прижали безумца к каменным плитам. Последние силы оставили Ли Чжуна, и он затих, тяжело и хрипло дыша. Убедившись, что наследник Хань не пострадал, Юань Цин вытер пальцы шелковым платком и прищурился.

— Господин Ли, — его тонкий, скрипучий голос зазвучал с вкрадчивой угрозой, — его величество жаждет ответов. Советую вам заговорить как можно скорее, если не хотите до конца дней своих проклинять тот час, когда появились на свет.

Ли Чжун, распластанный на полу, глухо рассмеялся. Сначала это было едва слышное зловещее шипение, но с каждой секундой оно становилось все громче, пока не превратилось в надрывной, безумный хохот, от которого у присутствующих мороз пошел по коже.

Чжан Ханпин беспокойно переступил с ноги на ногу и покосился на соседа. На лице Хан Сиэня не дрогнул ни один мускул; он сидел с видом человека, которому до смерти наскучило происходящее. Чжан Ханпин впервые встретился с ним на праздновании юбилея старой госпожи Хань, где даже помог юноше уладить неприятную историю с подарками. Тогда он и представить не мог, что этот чахлый, едва живой наследник, уже запятнавший свои руки кровью, всего за пару месяцев превратится в главного любимчика государя.

Вторым человеком, чье лицо оставалось бесстрастным, был Юань Цин. Дождавшись, пока безумный хохот пленника сойдет на нет, евнух равнодушно произнес:

— Что ж, раз господин Ли не желает облегчить свою участь, тогда...

— Я скажу! — хрипло перебил Ли Чжун, не дав евнуху договорить. Он с трудом приподнял голову и выплюнул: — Это Третий принц!